

Доман
с тайной

Барбара Вашн

ПОДАРОК КО ДНЮ
РОЖДЕНИЯ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В 14

Barbara Vine

THE BIRTHDAY PRESENT

© 2008 by Kingsmarkham Enterprises Ltd.
This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Вайн, Барбара.

В 14 Подарок ко дню рождения / Барбара Вайн ; [пер. с англ. Н. Х. Ибрагимовой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Барбара Вайн. Роман с тайной).

ISBN 978-5-699-77589-7

У британского политика и парламентария Айвора Тэшема есть любовница по имени Хиби. Сам он не женат, но она замужем, поэтому парочке приходится соблюдать определенные меры предосторожности. У Хиби даже есть специальная подруга, каждый раз обеспечивающая ей алиби на время любовных встреч. Но однажды Айвор решает сделать своей пассии ко дню ее рождения весьма своеобразный подарок – разыграть с помощью двух своих друзей ее похищение; а потом «киднепперы» привезут свою «жертву» в дом к Айвору, где ее будет ждать сюрприз... Но машина «похитителей» попала в аварию; выжил лишь водитель, да и тот лишился рассудка. Полиция обнаружила на месте трагедии наручники и пистолет – антураж «преступления». Так похищение стало настоящим. Впрочем, о роли Айвора в этом деле пока почти никто не знает. Никто, кроме одного человека, у которого есть свой интерес...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ибрагимова Н. Х., перевод
на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77589-7

*Посвящается Саймону и Донне,
Филитту и Грэму*

Глава 1

Тридцать три года — столько лет будет всем нам, когда мы встретимся в раю, потому что Иисусу Христу было тридцать три года, когда он умер. Интересная мысль. Невольно думаешь, что те, кто такое придумывает, выбрали этот возраст потому, что он идеален: уже не первая молодость, но и не старение. Мне об этом рассказал Сэнди Кэкстон, когда я сидел рядом с ним на празднике по случаю дня рождения Айвора — разумеется, тридцать третьего дня рождения, — и Айвор потом сказал, что у него полно таких мудрых мыслей. Я лично считаю, что Сэнди просто хотел сменить тему, когда я спросил, живет ли он в Лондоне.

— Мне ужасно жаль, — ответил он, — но этого я вам сказать не могу. — И, заметив мой озадаченный взгляд, прибавил: — Понимаете, я был министром в Северной Ирландии, и нам не полагается никому рассказывать, где мы живем.

Я понял. Мне следовало это знать. Айвор мне сказал, что среди гостей есть и его телохранитель, и где бы ни жил Сэнди, полицейские с ищейками обыскивают местную церковь перед тем, как он идет к утренней молитве. Нельзя сказать, что это ему как-то помогло в конце концов. Его все равно достали — в тот момент, который выбрали. Но об этом позже. Айрис сидела рядом с другом Айвора, Джеком Мунро, своим любимцем, и довольно неохотно попрощалась с ним, так как нам пришлось уй-

ти раньше остальных. У нас была надежная няня, и нам хотелось вернуться к Надин как можно быстрее. Она была нашим первым ребенком, первым из четырех, и мы так обожали ее, что волновались, расставаясь с дочерью надолго. Даже ради того, чтобы отметить святой день рождения ее дяди. Даже когда она оставалась под присмотром одной из бабушек.

На вечеринке не было лишь одного близкого моему шурина человека.

— Отсутствовала девушка Айвора, — заметил я, когда мы ехали по Фитцджеронз-авеню.

— Ее не могли пригласить. Ты же его знаешь. В каком-то смысле он живет в далеком прошлом. На встречу с друзьями не приглашают любовниц. — Айрис состроила гримаску — как всегда, когда проявлялись странности ее брата, и ее улыбка была немного грустной. — Кроме того, он, видимо, посчитал, что провести с ней вечер вне дома — пустая трата времени.

— Так обстоят дела, да?

— Наверное, только так, — ответила моя жена.

Назовите его имя, и большинство людей спросит: «Кто?», а остальные немного подумают и зададут риторический вопрос: «Не тот ли это человек, который был замешан в том давнем скандале?»

Так как мой шурин был политиком до мозга костей, мне не удастся избежать этой темы. Но я все больше понимаю, сколь я невежествен, какую скуку навевают на меня подробности политической жизни нашего общества. Я лишь вскользь коснусь большинства деталей этого аспекта жизни Айвора, упомяну только самые интересные, на мой взгляд, моменты, и, конечно, так как никто не сможет говорить об этом периоде и опустить такой важный момент, как уход Маргарет Тэт-

чер, приход Джона Мейджора и всеобщие выборы 1992 и 1997 годов.

Я собираюсь использовать дневник Джейн Атертон. И не просто опубликовать отрывки, а поместить его целиком, таким, как его прислали Джульетте. История Айвора и, если уж на то пошло, Хиби Фернал без этих записей была бы неполной. Я отлично помню, как оказались у меня эти бумаги. Сначала прибыл пакет, а уже потом мы получили письмо. Айвор никогда не видел ни того, ни другого. Полагаю, он даже не знал о существовании дневника. С ним случилось слишком многое, и он больше не хотел идти на риск и в этой ситуации вел себя как страус, спрятавший голову в песок. Джейн была подругой Хиби и отличалась от нее так сильно, как только могут отличаться две особи женского пола, принадлежащие к одному виду и живущие в одно и то же время. Полагаю, она была полезна Хиби Фернал. Что бы там еще она для нее ни делала, не считая того, что подчеркивала ее особое очарование, она обеспечивала своей подруге алиби. Вероятно, если бы Джейн не согласилась исполнять эту роль, ничего этого не случилось бы.

Я не был знаком с Хиби. Даже никогда ее не видел. Как и весь остальной мир, я обнаружил ее снимок в газетах после того несчастного случая: хорошенькая блондинка, можно сказать, что она была красива, и обычно такие девушки идут в модели. И так же, как остальной мир, я могу путать ее с другой хорошенькой блондинкой, с той, которую, как предполагали полицейские, должны были похитить. Ответ на вопрос, какая из двух девушек была намечена жертвой, так никогда и не был получен. И я помню, как злило Айвора, что кто-то мог ошибочно принять Хиби Фернал за Келли Мейсон, хотя сначала казалось, что это ему выгодно, так как версии полиции (или прессы) избавили его от дальнейших объяснений.

Я это представляю так: чья-то рука держала фонарик, и луч шарил по темным углам в поисках вдохновителя похищения, и раз или два он почти коснулся моего шурина перед тем, как уйти в сторону.

Хиби Фернал, двадцати семи лет от роду, домохозяйка, получившая образование в области средств информации, имела двухлетнего сына по имени Джастин. Жена Джерри Фернала и любовница Айвора Тэшема, члена парламента. «Возлюбленная» — это немного старомодно, но Айрис любила говорить именно так, и сам Айвор употребил именно эту формулировку, когда через неделю или две после своего тридцать третьего дня рождения спросил меня, не считаю ли я, что ему следует купить квартиру для Хиби для их совместных встреч. Он время от времени спрашивал у меня совета, хотя, конечно, никогда не обращал внимания на то, что я говорил. Люди обычно так и поступают, особенно если просят совета. Во всяком случае, Айвор уже до этого разговора принял окончательное решение.

— Чем-то, — сказал он, — мне эта идея нравится. Ты можешь представить себе, чем. Но я думаю, что не сделаю этого. Слишком напоминает повесу восемнадцатого века, который селит свою любовницу в апартаменты на Шепэрд-Маркет.

— Ты не можешь себе позволить Шепэрд-Маркет, — заметил я.

— Это правда. Но я мог бы позволить себе, скажем, Пимлико. Однако не стану. Это потянет за собой другие сложности.

Это было еще не все, но к этому я еще вернусь. Что касается Келли Мейсон, она была «цыпочкой-кассиршей», «Золушкой из супермаркета», которая вышла замуж за телевизионного магната и прославилась тем, что ничего не делала, только носила голубой атлас с блестя-

ками, и ее не похитили. Где она сейчас? Ходили слухи, что она находится в частной психиатрической клинике, но, скорее всего, она обитает вместе с теми, кто за ней ухаживает, на уединенной вилле на одном из маленьких островков в южной части Тихого океана, который купил ей муж. Как бы то ни было, по-видимому, ее действительно спрятали, а все потому, что она слишком боится реального мира, и без вмешательства Айвора в ее жизнь, хотя и непреднамеренного, она счастливо жила бы в доме на Бишоп-авеню и, вероятно, стала бы матерью детей Дэмиена Мейсона.

Чтобы познакомить вас с Айвором — возможно, вы не помните его по тому времени, когда он был министром в правительстве Джона Мейджора, — лучше всего будет привести вам выдержку из «Додз», справочника членов парламента.

«Айвор Гамильтон Тэшем, родился 12 января 1957 года. Сын Джона Гамильтона Тэшема и Луизы, урожденной Уинстенли. Получил образование в Итонском колледже, в Виндзоре и Брейзеноуз-колледже в Оксфорде (магистр гуманитарных наук в области права). холост. Получил право адвокатской практики в 1980 году в Линкольн-Инн. Барристер, специализирующийся в области торгового права. Участвовал во всеобщих выборах от Овербери. Член парламента от Морнингфорда со времени дополнительных выборов 27 января 1988 года. Комитеты: иностранных дел, обороны. В 1990 году личный секретарь Джона Тига, министра обороны. В 1992 году — министр военно-воздушных сил за рубежом в Министерстве обороны. Увлечения: театр, музыка, чтение. Адрес: Палата общин, Лондон».

Я знал его с тех пор, как он был маленьким мальчиком в Рамбурге, а я был на пять лет старше. Хотя мы и уехали оттуда, когда мне исполнилось восемь лет, но я родил-

ся в той деревне, как и Айвор, и моя жена. Они очень похожи внешне, Айвор и Айрис, он на три года старше своей сестры. Они оба высокие, темноволосые и стройные. Сэнди Кэкстон сказал, что у Айрис лицо древнееврейской принцессы Рахиль, оплакивающей своих детей, хотя в их с Айвором семье еврейская кровь появилась всего один раз в начале XIX века. Мне говорили, что Айвор очень красив, но в этом я не разбираюсь. Когда мы с ним входили вместе в ресторан или бар, я видел, как женщины оборачивались и буквально не могли отвести от него глаз, и совершенно уверен, что причиной этому излишнему вниманию был не я.

Когда все это произошло, он «встречался» (по его выражению) с Хиби Фернал уже около года. До этого его подругой была актриса Никола Росс, и когда их отношения закончились, расстались они по-дружески. Не знаю причины этого разрыва и не понимаю, почему «по-дружески», но Айрис мне говорила, что это никак не было связано с выходом на сцену Хиби. Кажется, она считала, что роман с Николой Росс был недостаточно интересным для Айвора. Они оба были одиноки и не связаны никакими обязательствами. Некоторые утверждали, что они созданы друг для друга. Никола, которую он всегда звал «Никси», подходила на роль любовницы члена парламента, с ней было не стыдно показаться в свете: красивая блондинка, делающая все более успешную карьеру, на год или на два старше Айвора. Он даже возил ее в Рамбург-хаус и знакомил с родителями, но так и не решился жить с ней под одной крышей. Но это в характере моего шурина. Он никогда не делил совместный кров с женщиной. Потом наступил разрыв, и появилась Хиби Фернал. Когда Айвор спросил, нельзя ли воспользоваться нашим домом (так и не объяснив до конца, с какой целью), он рассказал мне, как они познакомились.

— Это было на приеме в Юбилейном зале, — сообщил он. — Не знаю, бывал ли ты там. В него нужно подняться по мрачной лестнице в дальнем конце Вестминстерского дворца. Мы ждали семичасового голосования, и мне было нечего делать. Джек Мунро предложил: почему бы не пойти на этот прием? Его устраивали для поддержки благотворительного фонда под названием «Союз сердец».

— Я слышал, как кто-то говорил о его деятельности по радио, — подтвердил я.

— Да. В общем, Джек сказал, почему бы не пойти и выпить за даром, что означает влить в себя ту комариновую мочу, которая сходит за «Совиньон» в Юбилейном зале. Как бы то ни было, я отправился вместе с ним. Ответственным за сбор средств был человек по имени Джерри Фернал, но я с ним так и не познакомился. Зато подружился с его женой.

Айвор слегка улыбнулся своим воспоминаниям.

— Продолжай, — попросил я.

— Ты знаешь, как поражают такие вещи. Она является обладательницей одних из самых совершенных ног, какие я только видел. Они такой длины, что могут поспорить с ростом некоторых женщин. А шелковистые длинные волосы светло-русого оттенка достигают талии, и еще масса других достоинств. Я не стал терять время. Подошел к ней и сказал: «Я Айвор Тэшем. Как поживаете?», и она ответила: «Хиби Фернал. Очень хорошо, спасибо, гораздо лучше, чем пять минут назад». Такая женщина мне по сердцу, подумал тогда я, поэтому, кивнув на настенный монитор, заметил: «Видите вон тот зеленый экран? Примерно через пять минут зазвонит колокол и появится надпись белыми буквами «Голосование», и мне придется вас покинуть». — «Тогда лучше я дам вам мой номер телефона, да? — спросила она. — У вас хорошая память?» «Прекрасная», — ответил я, и как только

Хиби продиктовала мне номер, появился зеленый колокол. Я сбежал вниз по лестнице и всю дорогу по Вестминстеру повторял снова и снова этот номер под звон колокола на голосование. Я взбежал по лестнице, пересек коридор и очутился в лобби. Я все еще твердил про себя этот номер, когда пошел голосовать, пока мне не удалось схватить какой-то клочок бумаги и записать его.

Вот так все началось. Я позвонил ей на следующий день. Нам удастся встречаться примерно раз в две недели, и мне придется что-то с этим сделать, а пока не сможешь ли ты одолжить мне ваш дом на ночь пятницы где-то в районе семнадцатого мая?

— Конечно, — ответил я. — По пятницам мы всегда уезжаем в Норфолк.

Я не колебался. Он был не только моим шурином, но и замечательным другом. Я не сказал себе: Айвор спит с замужней женщиной, которая живет со своим мужем, и ты это поощряешь. Мне даже в голову не могло прийти, что, позволив ему воспользоваться своим домом, я поддерживаю незаконную любовную связь. Я не подумал о том, что этим поступком буду виновен в том, что ни в чем не повинный муж будет несчастен, если узнает об измене жены, и делаю несчастным маленького ребенка, лишая его матери. Ничего из этого своему шурину я не сказал — во-первых, потому что такие мысли просто не пришли ко мне в голову, а во-вторых, такие вещи не говорят хорошим друзьям.

Наш дом в Хэмпстеде очень подходил для тайных свиданий, идеально подходил.

Айвор обычно встречался с Хиби Фернал в своей квартире в Вестминстере. Ей было далеко туда добираться, ведь она жила где-то в Западном Хендоне, на дальней стороне Северной кольцевой дороги. Айвор называл это место захолустьем, а иногда глушью. Я никогда не видел

ее дома, кстати, и он тоже. Перед тем, как уехать на свидание с ним, Хиби приходилось ждать, когда сборщик пожертвований Фонда вернется домой, ведь кому-то надо было остаться с ее малышом Джастином. Айвор как-то в другой раз рассказал мне, что они с Хиби чаще занимались сексом по телефону, чем в действительности (фактически это происходило каждый день), и даже тут сталкивались с диверсией — это его выражение, секретаря министра обороны, — со стороны двухлетнего Джастина, который кричал: «Не разговаривай, мама, не разговаривай».

Я сказал, что не колебался, предоставляя ему наш дом, но одобрял ли я? Одобряла ли Айрис? Она, несомненно, этого не одобряла и так ему и сказала. Я старался не осуждать других людей, и то, что я чувствовал, не было неким моральным осуждением — скорее, чем-то близким к физическому отвращению. Я испытывал брезгливое чувство к этой девушке, этой молодой матери... не знаю, но то, что она была молодой матерью, усиливало мое отвращение. Однако это было именно так — женщина возвращалась из дома Айвора к мужу на такси, оплаченном любовником, и обманывала мужа, рассказывая о кино или об ужине с подругой. Вероятно, прошло всего несколько часов, как она из объятий Айвора падала на супружескую постель. И я просто не понимал этого. Я не понимал, почему он или она хотели продолжать такие отношения. Я бы понимал это еще меньше, если бы знал, какими вещами они занимались, их игры, переодевания и разыгрывание сцен. Айрис, которая это понимала, но не симпатизировала любовникам, объясняла мне, или пыталась объяснить, как это было. По ее словам, Хиби и Айвор нашли друг друга в целом мире, а это такая редкость, когда два человека с совершенно одинаковым вкусом, с одинаковым лихорадочным же-

ланием, с одинаковой обжигающей жадой встречаются друг друга. Любовь? Я так не думаю. Я только знаю, что это было совсем не похоже на то, что было и есть у нас с Айрис.

Большую часть XIX века один из Тэшемов представлял в парламенте Морнингфорд. Потом наступил долгий период членов парламента — либералов, пока дед Айвора не получил в нем место и занимал его начиная с 1959 года, когда его внуку было два года, до 1974 года. Его предшественник умер, и на конференции партии консерваторов в 1987 году Айвор победил на последовавших дополнительных выборах большинством в девять тысяч голосов. Ему был тридцать один год, он был слишком молод для члена парламента, необычайно молод и очень честолюбив. Бывший президент Дискуссионного общества Оксфордского университета, он был неплохим оратором. Его первая речь была блистательна и запомнилась многим, и после этого Айвор Тэшем был готов выйти на трибуну при любой представившейся возможности, но Сэнди Кэкстон посоветовал ему не выступать слишком часто. Члены парламента отмечают излишнее красноречие и отпускают замечания по этому поводу, не всегда благосклонные.

В 1989 году его назначили ПЛС министра обороны. На тот случай, если вы похожи на меня, каким я был в то время, и не знаете, что означает эта аббревиатура, то это парламентарский личный секретарь, и эта должность ставит ее обладателя на первую ступень политической лестницы. При условии удачи и усердной работы моего шурина должны были сделать партийным организатором, а потом парламентарским заместителем министра. Айвор преуменьшал свои функции, как обычно поступают люди в его положении, и говорил, что он — мальчик на побегушках, которого гоняют с поручениями и который

должен быть в курсе ежедневных дел своего министра; но видно было, что назначение приводит его в восторг.

Тогда журналисты не были так назойливы и жестоки, как сегодня, но внимательно следили за членами парламента, особенно за молодыми и подающими надежды консерваторами; случалось, что они раскапывали и аморальные проступки парламентариев. К тому времени Маргарет Тэтчер уже достаточно давно занимала кресло премьер-министра, и, как всегда в таких случаях, ходили слухи о заговорах и мятежах. Но вы все это должны помнить, и что бы я вам ни рассказывал, это вовсе не политическая оценка той давней ситуации.

Это рассказ о взлете и падении.

Через пару недель после своего дня рождения Айвор пригласил меня на обед в зал Черчилля, столовую Палаты общин на первом этаже возле коридора, ведущего на террасу. Он сообщил, что больше никого не ждет и хочет поговорить со мной о деле, не имеющем отношения к политике или к Палате общин. Вскоре выяснилось, что ему нужен мой совет по поводу романа с Хиби Фернал.

Как я уже сказал, Айвор решил не покупать ей квартиру, а продолжать их тайные встречи в домах или квартирах хороших друзей. Он уже просил меня предоставить ему наш коттедж на одну ночь в мае, но до этого события оставалось еще четыре месяца, и когда он опять заговорил об этом, у меня возникло дурное предчувствие. У меня были все основания предположить, что он может попросить разрешения пользоваться им регулярно. Однако вскоре я понял, что ему нужно вовсе не это. У Айвора была собственная квартира. Трудность заключалась не в том, что им некуда пойти — он мог, в конце концов, воспользоваться гостиницей, — а в том, что Хиби была слишком часто занята с Джастином.